

Подготовка кадров по классической филологии в Петроградском/Ленинградском университете в 1920-е годы: институциональный аспект

Артем Михайлович Скворцов

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 5б,
<https://orcid.org/0000-0002-3287-4154>, artyom-skvorcov@yandex.ru

Для цитирования: Скворцов А. М. Подготовка кадров по классической филологии в Петроградском/Ленинградском университете в 1920-е годы: институциональный аспект. *Philologia Classica* 2024, 19 (2), 321–346. <https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.210>

В статье рассматривается малоизученный в науке вопрос о воспроизводстве кадров по классической филологии в Петроградском/Ленинградском университете в конце 1910-х — 1920-е гг. Материалами служат в основном архивные делопроизводственные документы и изданные в исследуемый хронологический отрезок «Обозрения преподавания» Ленинградского университета. Изучение эволюции отдельного направления подготовки позволило отказаться от наметившейся в постсоветской историографии тенденции создания образа дореволюционного поколения ученых только как жертвы политики большевиков и продемонстрировать стратегии приспособления профессоров «старой» школы к новой действительности, в которой наука о классической древности потеряла государственную поддержку. Выявляется стремление старшего поколения адаптировать свои представления о системе подготовки кадров по классическим дисциплинам и педагогический опыт к изменяющимся условиям. Даже сложившаяся веками система изучения на университетских занятиях древних авторов при необходимости позиционировалась как «инновационный» бригадно-лабораторный метод обучения, который навязывался Наркомпросом. До 1927 г. за многочисленными отделениями, циклами, уклонами удавалось сохранять в общих чертах прежний подход к подготовке филолога-классика, который зиждился на комплексном характере антиковедческой дисциплины. В статье выявлен ряд тенденций в высшей школе 1920-х гг., повлиявших на состояние образования по классической филологии. Введение так называемых «общественных дисциплин», удельный вес которых в программах обучения постоянно рос, привел к сокращению дисциплин профессиональных. В последнюю треть 1920-х гг. под лозунгами борьбы с «многопредметностью» происходило сворачивание узких специализаций. В 1928 г., с началом «культурной революции», возобладала ориентация на подготовку кадров с практическими навыками.

Ключевые слова: история классической филологии, Петроградский/Ленинградский университет, история университетов, история образования, факультет общественных наук.

Истории классической филологии в 1920-е гг. в литературе, как правило, уделяется мало внимания. Этому способствуют несколько обстоятельств: хаотичный характер постоянных реформ в сфере высшего образования в первые годы советской

власти, неудовлетворительное порой состояние архивной документации, тяжелые воспоминания об этом времени очевидцев, прежде всего представителей «старой» школы.

Приведем несколько характеристик заявленного периода в историографии. О. М. Фрейденберг описывала это время в истории кафедры классической филологии ЛГУ как прелюдию к рождению кафедры «нового» образца в начале 1930-х гг. и характеризовала 1920-е гг. следующими словосочетаниями: «неприятная агония», «университетское прожектерство», «нездоровое экспериментаторство». По ее мнению, процесс «загнивания и опошления классики» происходил уже в начале XX в. параллельно упадку царского режима и крах 1929 г. вполне закономерен.¹ С. И. Радциг в неопубликованной «Истории кафедры классической филологии МГУ» писал, что советская власть уже с самого начала своего утверждения обратила пристальное внимание на науку, но объективные обстоятельства — экономические трудности и напряженная международная обстановка — препятствовали поступательному развитию дисциплин, относящихся к классической древности, важность и значение которых для «трудящихся» оставались «далекими от жизни». По утверждению московского филолога-классика, повышение статуса классической филологии могло произойти благодаря общему культурному подъему в стране.² Следует заметить, что эти строки Радциг писал в 1950-е гг., что объясняет появление мотива оправдания тяжелого положения классической филологии в первые годы советской власти, выраженного «объективными» обстоятельствами.

В. С. Дуров в статье по случаю 70-летнего юбилея воссоздания кафедры отметил лишь тот факт, что кафедра классической филологии ЛГУ в 1926 г. утратила самостоятельность и оказалась в зависимости от кафедры истории Древнего мира.³ Высказывалось также мнение, что в 1920-е гг. по классическим дисциплинам велись только отдельные курсы и семинары, в которых участие принимали выпускники; соответственно, систематической подготовки кадров не осуществлялось.⁴ По мнению А. К. Гаврилова, после 1917 г. большевиками «была разрушена “до основанья” образовательная система», но высшее образование оказалось спасено благодаря «искреннему заблуждению относительно единства марксизма и науки».⁵ Э. Д. Фролов писал о прерывании традиций классицизма вследствие разрушения, а частично и уничтожения его социальной опоры — городской интеллигенции, а также комплексном характере изменений в научной и образовательной сфере после революционных потрясений.⁶

Судьбы отдельных ученых, образовательных программ и кафедр позволяют отказаться от наметившейся в постсоветской историографии тенденции создания образа дореволюционного поколения ученых только как жертвы советской политики и идеологии⁷ и представить картину более насыщенной, включающей различные приспособленческие стратегии ученых. Безусловно, слом традиции про-

¹ Фрейденберг 2008, 119–122.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 662. Картон 5. Д. 1. Л. 190 об. — 191.

³ Дуров 2004, 3.

⁴ Боровский *et al.* 1968, 145.

⁵ Гаврилов 2011, 25.

⁶ Фролов 2006, 441–445.

⁷ См., напр.: Ушмаева 2008, 5–69.

изошел, но насколько глубоко и эффективно Наркомпрос, большевистская партия с системой местных партийных ячеек контролировали образовательный процесс, методику преподавания, взаимоотношения внутри профессорско-преподавательского состава и т. д.? Как проводившиеся структурные изменения сказывались на функционировании конкретного направления подготовки, имевшего устоявшиеся традиции?

Состав кафедры классической филологии на начало 1918–1919 учебного года был таков: заслуженный профессор Ф. Ф. Зелинский (вне штата); ординарные профессора С. А. Жебелев, Г. Ф. Церетели, М. И. Ростовцев; доцент А. И. Малеин; приват-доценты В. Я. Каплинский, С. Я. Лурье, Е. М. Придик, И. И. Толстой.⁸ Оставленными при кафедре для получения профессорского звания числились: Варфоломей Яковлевич Бауман (по 1 января 1920 г.), Константин Рудольфович (Гаральд Эдуардович) Вильгельмсон (по 13 апреля 1920 г.), Юрий Сергеевич Ляпунов (по 4 марта 1920 г.), Сергей Эрнестович Радлов (по 4 января 1919 г.), Сергей Васильевич Сальников (по 1 января 1919 г.), Сергей Федорович Шольц (по 21 октября 1919 г.).⁹ Все они были оставлены для сдачи магистерских экзаменов и написания диссертации незадолго до революции, ученое сочинение предписывалось им подготовить к концу 1910-х гг. Политические события и хозяйственно-бытовые трудности помешали реализовать эти планы. Учитывая сложившуюся ситуацию, Ученый совет первоначально продлевал сроки испытаний, надеясь на изменение ситуации в лучшую сторону, однако примерно с 1920 г. такие продления оказались бессмысленными.

Записки О. М. Фрейденберг, частично опубликованные, являются ценным источником по истории классической филологии и позволяют представить состояние этой научной дисциплины в постреволюционный период. Будущий филолог-классик пришла на историко-филологический факультет университета в качестве вольнослушателя в 1917 г., когда еще и не помышляла об узкой специализации. Пользуясь выгодами предметной системы, позволявшей самостоятельно выбирать для посещения занятия, она слушала самых разнообразных преподавателей, но первым ее университетским учителем стал историк ересей и церковного раскола в России, специалист по русской литературе XIX в. А. К. Бороздин. Однако вскоре Бороздин умер (в 1918 г.). В хаосе Гражданской войны «измученные» и «озлобленные» (по словам Фрейденберг) профессора, объявляя курсы, сами же просили на них не записываться, и только лишь на классическом отделении занятия велись систематически, поэтому Фрейденберг и решила в 1919 г. попробовать себя в области древних языков и культур.¹⁰ В письме от 5 ноября 1919 г. О. В. Никольской (Орбели) она сетует: «На русском отделении решительно не у кого было работать».¹¹

Сохранившаяся в личном деле О. М. Фрейденберг «зачетная книжка» позволяет представить структуру обучения в Петроградском университете по классической филологии в первые постреволюционные годы. Учебная программа по-прежнему позволяла получить комплексное антиковедческое образование, включающее курсы по древним языкам (Греческий язык (элементарный и пропе-

⁸ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (далее ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 29. Л. 24.

⁹ Там же. Л. 34.

¹⁰ Брагинская 1991, 136.

¹¹ Брагинская, Костенко 2019, 186.

девтический), Латинский язык, Греческий автор (поэт), Греческий автор (прозаик), Римский автор (поэт и прозаик), Историческая грамматика греческого языка), по истории и древнему праву (История Греции, История Востока, История Рима, Русская история, Греческое государственное право, Римское государственное право), по искусству (История античного искусства), по литературе (Древняя русская литература, История римской литературы, История греческой литературы), по философии (Введение в философию, История древней философии), по новому языку (Английский язык); наконец, ряд дисциплин носил общеобразовательный и вводный характер (Логика, Психология, Введение в языковедение). Помимо лекционных курсов О. М. Фрейденберг посещала семинары (чтение, критика и интерпретация греческого и латинского автора; греческая стилистика; славяно-русская палеография; русская народная словесность; древняя русская литература; новая русская литература) и защитила итоговое «зачетное сочинение».¹² Условием для попадания в ряды студентов историко-филологического факультета было прохождение проверочных испытаний по древним языкам.¹³ Курсы по античной истории в годы обучения О. М. Фрейденберг вел С. А. Жебелев, по греческому языку — И. И. Толстой, по латинскому — В. В. Петухова, по древней литературе — И. И. Толстой, А. И. Малеин, С. А. Жебелев. Не все пройденные Фрейденберг семинары отразились в ее зачетной книжке. Круг ее интересов был разнообразен. Она посещала занятия И. А. Шляпкина по русской палеографии, С. А. Венгерова по русской литературе XIX в., В. В. Буша по древнерусской литературе, семинар по апокрифам С. А. Жебелева. Стремление совершенствоваться в греческом языке привело ее в семинар Г. Ф. Церетели по чтению Менандра, где «над каждым словом сидели часами».¹⁴

Занятия у И. И. Толстого по начальному курсу греческого языка О. М. Фрейденберг охарактеризованы таким образом:

Три раза в неделю Толстой дает нам уроки греческого языка. Он сам плохо его знает, делает ошибки, читает с листка у доски. На мой вопрос, в одно из первых занятий, не от слова ли «эстетс, эстетос» (одежда) произошла «эстетика», он отвечает: «Нет, не от эстетс, а по имени князя Эсте, покровителя всего изящного». Со временем он стал Аристархом науки.

Однако преподавал он блестяще. По его собственным словам, он «давал лишь вежи», прыгал с ветки на ветку. Ни один мой ассистент не смеет так врать и так поверхностно, без объяснений, читать школьные парадигмы, как это делал Толстой. Никакого языка он не давал.¹⁵

Такая критическая оценка явно не согласуется с тем высоким статусом, который приобрел И. И. Толстой в более позднее время, став академиком, но может объясняться следующими обстоятельствами. До революции он никогда не проводил занятия по начальному курсу греческого языка, а читал со студентами древних авторов (Аристофана, Лукиана, Лисия, Исократ, Ксенофонт, Геродот и др.) и вел

¹² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 2. Д. 3698. Л. 2–2 об.

¹³ Там же. Л. 14–17.

¹⁴ Фрейденберг 1991, 155.

¹⁵ Там же, 151.

спекурсы по истории греческой драмы.¹⁶ Тогда И. И. Толстой не воспринимал университет как источник основного дохода. Но революция многое поменяла в жизни бывшего дворянина, и ему пришлось взять новые для себя университетские дисциплины, в том числе преподавание начального греческого языка.¹⁷ В одном из писем он советует с С. А. Жебелевым, как лучше построить взятый впервые курс, и признается, что студенты с таким рвением занимаются, что «их увлечение и пыл невольно передаются и лектору».¹⁸ Следует также обратить внимание на сохранившуюся в архивном фонде С. В. Поляковой студенческую тетрадь для занятий греческим языком О. М. Фрейденберг, которую возможно датировать августом 1918-го — февралем 1919 г.¹⁹ Документ содержит выполненные Фрейденберг задания по склонению имен, спряжению глаголов, переводу простых предложений с русского языка на греческий, а также исправления и пометки Толстого. Причем преподаватель не только исправлял ошибки, но и, что не каждый возьмется делать, прописывал правила каллиграфическим почерком. Например, по поводу неверно переведенного глагола в предложении «Секретарю совета даны были деньги» он заметил: «Какого рода подлежащее? Среднего (τὰ χρίματα). А при подлежащем среднего рода, хотя бы стоящим во множественном числе, сказуемое должно стоять в единственном».²⁰ По поводу излишне поставленных артиклей в другом предложении — «Воины принесли жертву Зевсу, Земле и Солнцу» — Толстой написал, что Земля и Солнце — божества, а потому артикли не нужны, так как их не ставят обычно при именах собственных.²¹ В другом месте преподаватель доброжелательно советовал завести отдельную тетрадку с переводами и переписать туда исправленные предложения.²² Такие пометки свидетельствуют о внимательном отношении к первым шагам своих подопечных в области греческого языка.

В 1919 г. на основании постановления Наркомпроса был создан факультет общественных наук (ФОН) Первого Петроградского университета (декан — «левый» профессор М. В. Серебряков), включивший в себя историко-филологический, юридический и восточный факультеты университета, Археологический и Петроградский историко-филологический институты, а также гуманитарные факультеты Бестужевских курсов.²³ Для всех отделений созданного факультета на первом и втором курсах был введен общий цикл предметов общественно-политической направленности.²⁴ Образование по классической филологии возможно было получить в рамках отделения языковедения и литературы, притом Музей древно-

---

¹⁶ Толстой Иван Иванович: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1071-tolstoy-ivan-ivanovich.html> (дата обращения: 24.10.2024).

¹⁷ В письме С. А. Жебелеву от 10 января 1918 г. И. И. Толстой напишет, что они с сестрой после «финансовых экспериментов последнего времени <...> весьма близки к разорению» (Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (далее СПбФ АРАН). Ф. 729. Оп. 2. Д. 121. Л. 194 об. — 195).

¹⁸ СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 121. Л. 198–199 об.

¹⁹ На л. 2 имеется запись «23 августа», на л. 18 об. — «4 февраля 1919 г.»; всего 23 листа в тетради.

²⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 3275. Оп. 1. Д. 134. Л. 11.

²¹ Там же. Л. 11–11 об.

²² Там же. Л. 23.

²³ История Ленинградского университета 1969, 212.

²⁴ Там же, 214.

стей (руководитель — профессор кафедры русского искусства ФОН Н. П. Сычев) и классический кабинет (С. А. Жебелев) числились за археологическим отделением ФОНа.²⁵ Положением о ФОНе ЛГУ предоставлялась «возможность составления самими учащимися индивидуальных учебных планов по рекомендации главного избранного ими профессора-руководителя с утверждением соответствующего отделения».²⁶ В штатном расписании рубежа 1910–1920-х гг. по-прежнему фигурирует понятие «кафедра», но, скорее, оно употребляется не в значении структурной единицы отделения, а условно, обозначая коллектив родственников по своему научному профилю преподавателей (как синоним «кафедре» используется слово «предмет»). Так, в одном документе этого периода названы кафедры греко-римской филологии и истории античной литературы с 4 и 2 ставками соответственно.²⁷ В другом — представляющем собой список претендентов на штатные должности — содержится обобщенное название кафедры/дисциплины — «классическая филология (греческий и латинский языки и литература)».²⁸

После объединения Петроградского историко-филологического института с университетом (1919 г.), эмиграции академика М. И. Ростовцева сначала в Европу (1918 г.), затем в США, Ф. Ф. Зелинского — в Польшу (1922 г.), переезда Г. Ф. Церетели в Тбилиси, смерти академика В. В. Латышева (1921 г.) фактически лидерство в классической филологии Петрограда стало принадлежать профессору С. А. Жебелеву, читавшему в основном курсы по истории Греции, члену-корреспонденту Петербургской Академии наук (с 1916 г.), А. И. Малеину и И. И. Толстому, защитившему магистерскую диссертацию («Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте») только в 1918 г., но имевшему большой опыт преподавательской деятельности в статусе приват-доцента.

В 1925 г. ФОН был расформирован. На базе его литературно-лингвистического, археологического, общественно-педагогического отделений, а также восточного факультета ЛГУ создан факультет языкознания и истории материальной культуры (ямфак) с двумя отделениями: археологическим (истории материальной культуры) и литературно-лингвистическим (языка и литературы). Каждым отделением руководил президиум. Председателем президиума отделения языка и литературы стал литературовед Я. А. Назаренко. Сохранившиеся в архиве протоколы заседания президиумов позволяют свидетельствовать, что решения по вопросам учебного характера принимались сообща после обсуждения, с приглашением заинтересованных лиц.²⁹ И ФОН, и ямфак были довольно громоздкими подразделениями с разнообразными направлениями подготовки и сложной системой отделений, циклов, уклонов. Направление подготовки называлось «циклом». Желающие стать специалистами по древности обучались по циклу культур и языков Древнего мира. Такая пестрота образовательных программ внутри факультета несколько ограждала классическую филологию от идеологического давления. В бюрократической системе СССР, где главную роль выполнял «отчет», отдельной структурной едини-

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 156. Л. 5.

²⁶ Там же. Д. 132. Л. 45.

²⁷ Там же. Л. 45 об., 49.

²⁸ В качестве претендентов на штатные должности перечислены в документе: Ф. Ф. Зелинский, С. С. Лукьянов, А. И. Малеин, Е. М. Придик, И. И. Толстой, Г. Ф. Церетели (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 132. Л. 45 об., 52).

²⁹ См.: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 173.

це, например факультету, важно было продемонстрировать выполнение установок, спущенных сверху, в целом. Например, в отчетной документации отделения языка и литературы ФОН констатировалось по итогу 1923–1924 учебного года, что преподавание ведется в тесной связи с общественными науками, а также с бытом, коллективным творчеством и языком нацменьшинств СССР, «учебный план строится на изучении конкретного языкового и литературного современного материала, от него отправляясь ретроспективно к историческому генезису», выпускаются работники в области литературной критики и «международных языков и литератур». ³⁰ Председатель в своем отчете к частностям не обращался, специфику обучения отдельных циклов предусмотрительно не упоминал.

Для понимания учебного процесса в первой половине 1920-х гг. обратимся, например, к личному делу Г. А. Стратановского. В будущем известный переводчик древних авторов поступил в 1920 г. на историческое отделение факультета общественных наук, но в 1922 г. перевелся на цикл культур и языков Древнего мира отделения языка и литературы, которое окончил в 1925 г. В его матрикуле содержатся обязательные для всех студентов «общественные» дисциплины («Общее учение о государстве и государственном устройстве РСФСР», «Теория исторического материализма», «История социализма», «Политическая экономия», «История педагогических учений», «Психология», «Логика», «История России XIX и XX вв.», «История Западной Европы XIX и XX вв.», «История мировоззрений», «История развития общественных форм»), а также немногие дисциплины по «циклу» (срок получения высшего образования тогда составлял три года). Помимо сданных элементарных курсов латинского и греческого языков и лекционных курсов по греко-римской литературе, он успел прочесть (по крайней мере, официально) двух латинских авторов (Тацита и Колумеллу) с А. И. Малейным, трех греческих (Гомера, Еврипида и Антифонта) с И. И. Толстым, пройти курс по греческой эпиграфике с С. Я. Лурье, прослушать греческую стилистику у И. И. Толстого. ³¹

Общее руководство учебным процессом на каждом цикле осуществляла предметная комиссия. Принципиально отказавшись от «старого» термина «кафедра», руководство не смогло устранить его полностью не только из устного общения, но и даже отчасти из официальных документов. Так, например, в выпускавшихся типографским способом «Обзрениях преподавания» именно «кафедра» помогала группировать дисциплины для лучшего ориентирования студентов, поэтому в этих изданиях можно встретить следующие наименования «кафедр» перед списками относящихся к ним дисциплин: «Греческий язык и литература», «Римская литература», «Новогреческий язык», «Доистория и этнология Древнего мира», «История Древнего Востока, Греции и Рима», «История материальной культуры Греции и Рима», «История философии и науки». ³²

Предметная комиссия Древнего мира сразу же стала довольно сложной структурой с тремя специализациями, или, как их называли тогда, «уклонами»: литературно-лингвистическим уклоном греко-римского мира, древневосточным уклоном, уклоном первобытной культуры. Для понимания функций предметной комис-

³⁰ Там же. Д. 171. Л. 28.

³¹ Там же. Оп. 4. Д. 1512. Л. 2, 23 об. — 25.

³² Обозрение преподавания ... на 1926/27 учебный год, 15–21.

сии обратимся к сохранившемуся объявлению о заседании предметной комиссии Древнего мира, назначенному на 22 декабря 1925 г., где прописана повестка дня:

1. Заграничные командировки с научной целью.
2. Замещение должности Директора Фундаментальной Библиотеки.
3. Организация Издательства Ямфака.
4. Организация кабинета Древнего мира.
5. О приобретении книг в Кабинет Древнего мира.
6. О дипломных работах студентов.
7. Текущие дела.³³

Согласно документу, вопросы организационного характера являлись самыми насущными. Так, была организована специальная комиссия по устройству кабинета при цикле Древнего мира в составе Б. Л. Богаевского, А. И. Малеина, В. В. Струве, Н. П. Сычева, которая добивалась перемещения артефактов Музея древностей в бывший зал Петра I вместе с другими музейными собраниями ямфака, а также предоставления для книгохранилища помещений кристаллографического кабинета и архива бывшего историко-филологического кабинета.³⁴ Библиотечное и книгоиздательское дело в университете в результате глубоких структурных изменений и общей ситуации в стране находилось в запустении. С. А. Жебелев в 1925 г. как заведующий классическим семинарием (и библиотекой классического кабинета) писал в отчете, что книжное собрание состоит в основном из изданий довоенных лет, никаких казенных ассигнований за последние 10 лет отпущено не было и фонды, если и пополнялись, то «исключительно случайными и даровыми поступлениями».³⁵ К 1927 г. библиотека находилась в удручающем состоянии: книги были разбросаны в трех зданиях, частью в проходных комнатах на полу, в связках со спутанными каталогами или просто свалены кучей на пол; книги стояли в шкафах с разбитыми стеклами и испорченными замками, порой в сырых неотопливаемых помещениях — после наводнения 1924 г.³⁶

Предметная комиссия определяла прежде всего учебный план и педагогический состав цикла. По правилам, любой кандидат на вакантную преподавательскую должность проходил несколько стадий одобрения: предметной комиссией, Ученым советом, Правлением вуза, Главпрофобром.³⁷ Последняя структура, возникшая в системе Наркомпроса в 1921 г., являлась контролирующей и призвана была не допустить в вузы «чуждые» советскому обществу элементы. Однако в преподаватели по древним языкам затруднительно было набрать «марксистских» ученых, поэтому «старые» кадры здесь преобладали, а громкий призыв «Принять меры к пополнению преподавательского состава Факультета [ямфака — А. С.] марксистскими силами»³⁸ к желаемому результату не приводил.

³³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 20.

³⁴ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ). Ф. 1393. Д. 37. Л. 1–2.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 171. Л. 188.

³⁶ Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ). Ф. 288. Оп. 1. Д. 45. Л. 27; Ф. 288. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

³⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 95–95 об.

³⁸ См., напр., протокол заседания Ученого совета ямфака от 17 апреля 1926 г.: ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 106.

В ноябре 1925 г. для цикла Древнего мира был утвержден президиум предметной комиссии в следующем составе: Б. Л. Богаевский (председатель), С. И. Ковалев, А. И. Малеин, Н. Я. Марр, А. Я. Борисов (от студенческого состава, секретарь комиссии).³⁹ При этом А. И. Малеин и Н. Я. Марр были введены сверх квоты ввиду большого количества «специализаций».⁴⁰ Таким образом, фактически Б. Л. Богаевский возглавлял организацию подготовки филологов-классиков в ЛГУ. Об этом писала и О. М. Фрейденберг,⁴¹ правда, не обозначая официального статуса своего предшественника, вероятно вследствие кратковременного характера бытования соответствующей номенклатуры. С. Б. Крих, исследовавший творчество Б. Л. Богаевского, пришел к выводу, что тот, имея неблагоприятное прошлое,⁴² старался продемонстрировать лояльность режиму, чутко реагируя на все новые веяния 1920-х гг. и ведя борьбу со «старыми» профессорами.⁴³ Вместе с тем следует заметить, что сохранившийся протокол совещания профессоров и преподавателей греко-римского уклона языка и литературы Древнего мира от 25 мая 1926 г., где присутствовали 8 человек (Б. Л. Богаевский, Н. К. Гельвих, С. А. Жебелев, С. И. Ковалев, А. И. Малеин, В. В. Петухова, И. И. Соколов, И. И. Толстой), — факультативного органа, не имевшего действительных полномочий, позволяет свидетельствовать о совместном решении вопросов образовательного процесса, по крайней мере на момент середины 1920-х гг. В частности, на совещании обсуждалось введение 4-го года обучения и распределение между преподавателями курсов и практических занятий.⁴⁴ Какого-либо самоуправления со стороны председателя цикла здесь не прослеживается. Более того, антиковедческие дисциплины продолжали вести наиболее авторитетные в то время ученые Ленинграда. Поэтому в случае с Богаевским, на наш взгляд, может идти речь о целенаправленно создаваемом им же образе активного борца с «правыми» профессорами: он сам с гордостью заявлял о собственных успехах в этом направлении.⁴⁵ Эта деятельность имела, вероятно, «точный» и избирательный характер.

Президиум литературно-лингвистического отделения ямфака, получая соответствующие приказы от руководства, настаивал на усилении методической работы в предметных комиссиях и обязанности рассматривать отчеты преподавателей, что означало некоторое наращивание контроля над содержанием курсов. Документы позволяют наметить формирование путей этого контроля. Так, например, стремлением к декларируемой актуализации антиковедческого образования обусловлено решение совещания греко-римского уклона о том, что при выборе авторов для чтения иметь в виду не только художественное и общекультурное значение, но и интерес с точки зрения характеристики исторических, социально-эко-

---

³⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 173. Л. 42.

⁴⁰ Там же. Д. 176. Л. 8.

⁴¹ Правда, О. М. Фрейденберг немного ошиблась с датой, назвав 1926 вместо 1925 г. (Фрейденберг 2008, 121).

⁴² По свидетельству Я. С. Лурье, о Б. Л. Богаевском ходили слухи, «что во время гражданской войны он служил у белых и был автором антисемитских листовок, распространявшихся в армии Колчака» (Лурье 2004, 107).

⁴³ Крих 2020, 65–66.

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 158–159 об.

⁴⁵ См.: Крих 2020, 66.

номических и бытовых отношений эпохи.⁴⁶ Очевидно, трудно подобрать автора, который бы эти довольно размытые «предписания» не реализовывал. Здесь, думается, в большей степени значима была вербализация этой установки и заявленная на общем совещании преподавателей готовность ей следовать.

Предписывалось также усилить проверку посещаемости занятий профессорами и студентами,⁴⁷ что может свидетельствовать о падении учебной дисциплины. В фонде университета по этому вопросу сохранились краткие отчеты за 1-й семестр 1925–1926 учебного года С. Я. Лурье, С. И. Ковалева, С. А. Жебелева, А. И. Малеина, В. В. Петуховой, Н. Н. Томасова о выполненной учебной нагрузке. Документы в целом имели формальный характер, доказательством чему служат бессодержательные строки: «<...> руководимые мною курсы и практические занятия в истекшем полугодии состоялись нормально» (С. Я. Лурье) или «Все мои курсы состоялись» (А. И. Малеин).⁴⁸ Но важно заметить, что ряд отчетов включает список предлагавшейся студентам литературы с выделением блока «марксистской и материалистической литературы». Вторая часть словосочетания показательна: марксизм трактовался довольно широко, а к приоритетной относилась вся литература, раскрывающая экономические аспекты развития Древнего мира. Показательно также, что некоторые преподаватели (В. В. Петухова, Н. Н. Томасов) даже пренебрегли требованием указать такую литературу.

Для примера обратимся к списку литературы к курсу по истории античной литературы А. И. Малеина. В рамках «марксистской и материалистической литературы» лектор предлагал к прочтению:

1. Быстрянский В. А. Ленин — историк: историзм в ленинизме. Л., 1925.
2. Кулишер И. М. Очерк экономической истории Древней Греции. Л., 1925.
3. Луначарский А. В. История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах. М., 1924. [У А. И. Малеина данная книга фигурирует под названием «История всеобщей литературы». — А. С.]
4. Троцкий Л. Д. Литература и революция. М., 1923.
5. Тахтарев К. М. Сравнительная история развития человеческого общества и общественных форм. Л., 1924.

Вместе с этим он предлагал к закупке университетом следующих новых изданий, позволяющих поставить читаемый курс на научную основу и использовать современные достижения науки:

1. Vom Altertum zur Gegenwart: Die Kulturzusammenhänge in den Hauptepochen und auf den Hauptgebieten. Leipzig, Berlin, 1921.
2. Einleitung in die Altertumswissenschaft / A. und Ed. Norden (Hrsg.). Leipzig, 1912. Bd. I, II, III.
3. Corpus glossariorum Latinorum. Vol. I.
4. Kroll W. Studien zum Verständnis der Römischen Literatur. Stuttgart, 1924.
5. Corpus Medicorum Latinorum. Vols I, II, V.⁴⁹

Сравнение списков литературы с программами соответствующих курсов позволяет установить, что действительное содержательное использование «марк-

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 158.

⁴⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 43.

⁴⁸ Там же. Л. 74–88 об.

⁴⁹ Там же. Л. 82.

систской и материалистической литературы» не всегда осуществлялось. Так, план занятий И.И. Толстого по истории греческой литературы предполагал последовательное изучение греческих литературных жанров и наиболее выдающихся их представителей. Его же семинарий по Феокриту имел следующее содержание: серия лекций о литературе «александрийской эпохи», чтение идиллий Феокрита, освещение методов критического изучения Феокрита и проблем, связанных с вопросом об александрийской поэзии, а также доклады студентов с диспутами.⁵⁰ А.И. Малеин в качестве задачи курса по истории греческой и римской литератур ставил формирование представления об античной литературе, «необходимое для всякого образованного человека», подготовку молодых людей к восприятию специальных исследований при их занятиях наукой и подготовку базы для слушания на 3-м курсе специальных литературоведческих дисциплин. По его словам, «преподаватель должен сжато и общедоступно <...> на строгой основе новейших научных данных» доказать актуальность далеких по времени классических авторов.⁵¹

Список литературы преподавателям предлагалось составить не только с целью контроля содержания дисциплин, но и для возможного самостоятельного освоения студентами курса. Остро стояла проблема успеваемости, особенно среди студентов-комсомольцев, которые, занятые активной общественной работой, довольно часто пропускали университетские занятия. На собрании партийной ячейки⁵² ямфака от 24 ноября 1926 г. были озвучены следующие цифры: из 180 членов ячейки при переходе на второй курс полностью выполнили план 10 человек, на третий — 5 человек, у остальных имелись задолженности по 4 и более дисциплинам.⁵³ К «зачетным» мероприятиям им приходилось готовиться самостоятельно, на семинарах активности они не проявляли.⁵⁴ Однако на общем собрании ячейки ВКП(б) ямфака 24 ноября 1927 г. проблему усматривали не в большой внеучебной работе, а в отсутствии твердых планов и программ занятий, «многопредметности» («слишком велик учебный план»), недостатке пособий, недостаточном времени работы читальных залов.⁵⁵ Вместе с этим утверждалось, что в новых советских университетах преподаватель-лектор уже не является единственным источником уникального знания: его вполне могут заменить книги; содержание же каждого учебного курса должно быть стандартизировано, что облегчило бы подготовку нерадивых студентов. Славист Н.С. Державин с сожалением отмечал одно из отличий дореволюционного вуза от вуза образца 1927 г.: «Нас в старой школе увлекали лекции профессоров; не всех, конечно, но мы понимали, что **лекция профессора** [здесь и далее выделено в самом тексте — А.С.], а не **учебник**, есть школа научно-исследовательской мысли и творчества, а к учебникам мы относились с величайшим презрением и просматривали их в силу необ-

---

⁵⁰ Там же. Л. 127.

⁵¹ Там же. Л. 131.

⁵² Партийные ячейки на факультетах, объединяющие лояльных РКП(б) студентов, возникли в Петроградском университете в 1921 г.

⁵³ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее ЦГАИПД СПб). Ф. 984. Оп. 1. Д. 223. Л. 7.

⁵⁴ В качестве решения проблемы предлагалось даже разбить академические группы на «коммунистические» и «некоммунистические», чтобы коммунистам уделялось большее внимание: ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 62. Л. 43 об.

⁵⁵ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 277. Л. 1.

ходимости только накануне экзаменов <...> Я чувствую, как старый “культ науки” в современном студенчестве вырождается в “культ учебника”». ⁵⁶

С середины 1920-х гг. в вузах Советского Союза происходило активное внедрение новых педагогических приемов обучения. Одним из популярных стал бригадно-лабораторный метод, который, как казалось, должен был полностью перестроить университетское преподавание путем отказа от лекционной формы занятий и перехода к активным и коллективным формам получения знания обучающимися. Бригадная проработка заданий зачастую приводила к несистематическому изучению дисциплины и недостаточному учету индивидуальных знаний. ⁵⁷ На страницах официального печатного органа ЛГУ в это время происходила дискуссия о лекциях как форме занятий. Подчеркивалось, что они якобы «убивают активность студента, его стремление к исследовательской работе», поэтому с каждым годом их посещаемость падает: «Студенчество все более и более приходит к осознанию, что самостоятельная проработка материала по книгам способствует гораздо лучшему его усвоению». ⁵⁸ Некий Рендель в противовес этому приводил аргументы, препятствующие, по его мнению, полной отмене лекций: резкий рост финансовых расходов на оплату преподавателям групповых семинарских занятий, необходимость издания в большом количестве учебных пособий и лишение возможности общения с профессурой, которая физически окажется неспособной выполнять увеличившуюся учебную нагрузку при замене лекций практиками. ⁵⁹ Ректор М. В. Серебряков, стремясь умерить пыл революционной молодежи, приводил расчеты, согласно которым при внедрении новых предложений у студентов значительно увеличится затрачиваемое на подготовку время: до 76–85 часов в неделю. «А где же время и силы на общественную работу, службу, отдых, развлечения?» ⁶⁰ — заключает автор статьи. Думается, что падение ценности лекций для обучающихся явилось, в частности, следствием изменения преподавательского состава, увеличения доли «красных» профессоров, не имеющих научного опыта и транслирующих с кафедры знания, не выходящие дальше пособий.

Так или иначе, но обозначилась тенденция сокращения лекционной части в учебном процессе. Сохранились отчеты профессоров ямфака за 1925–1926 учебный год, составленные по распоряжению начальства для проверки реализации в университете «передовых» педагогических идей. ⁶¹ Документы выявляют одну из поведенческих стратегий «старых» профессоров в условиях постоянных изменений первого десятилетия советской власти: адаптацию выдвинутых новаций к собственному, основанному на традиции, опыту преподавания. В отчетах, вероятно проверяющим, подчеркнуты необходимые ключевые слова, свидетельствующие о «перестройке» преподавания: «самостоятельность студентов», «вступает с ними в беседу» (имеется в виду, что преподаватель на занятиях завязывает диалог со студентами), «привлекать к работе всех присутствующих», «не в виде лекций, но в виде бесед со слушателями», «развить способность к самостоятельному научному анализу», «метод занятий был докладной» и проч. На деле же никаких

---

⁵⁶ Державин 1927, 2.

⁵⁷ Томина 2009, 254.

⁵⁸ Энтэ 1927, 2.

⁵⁹ Рендель 1927, 2.

⁶⁰ Серебряков 1927, 2.

⁶¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 161–192.

педагогических новаций не прослеживалось. У А. И. Малейна «самодеятельность студентов» заключалась в представлении обучающимися на занятиях собственно-го перевода и комментария к прочитанному тексту.⁶² Н. К. Гельвих дорожил «всякой возможностью самодеятельности, имея в виду, <...> что никакой специальный курс не является исчерпывающим, но дает толчок и открывает простор дальнейшим самостоятельным занятиям учащихся».⁶³ И. И. Толстой следующим образом описывал свою ориентированность на активную работу студентов в курсе исторической грамматики греческого языка: «Занимаясь историей греч[еского] языка, я вводил слушателей в основные проблемы и знакомил их с основными особенностями греческих диалектов и отдельных литературных жанров; после таких теоретических введений, читавшихся мною в форме лекций, перед каждым новым “отделом” курса, следовали практические упражнения студентов по материалам письменных памятников».⁶⁴ В семинариях он также чередовал свои лекции-доклады с докладами студентов, стараясь поддержать в последних самодеятельность и развить способность к самостоятельному критическому анализу. С. А. Жебелев исходил из того, что университетское преподавание в принципе должно быть научно и «что науке научить невозможно, а должно только облегчить желающему заниматься ею: 1) овладеть научным методом, 2) знакомиться с основными источниками и руководящей литературой по полагаемому вопросу»,⁶⁵ поэтому в своих курсах он не стремился изложить максимум фактического материала, но останавливался только на существенном, с подробным его разбором.

В рамках пресловутой «бригадной» работы «старые» профессора реализовывали хорошо им известную семинарскую форму работы, которая заключалась в совместном с руководителем чтении и комментировании источника и самостоятельном (с консультациями у профессора) составлении докладов на основе прочитанного, с последующим коллективным обсуждением подготовленного исследования. При этом всячески защищался лекционный способ преподавания. Даже Б. Л. Богавский, который, как уже отмечалось, чутко реагировал на изменяющуюся конъюнктуру, писал: «Считаю, что лекционный метод необходим как позволяющий дать аудитории построение материала, сводя новейшие достижения по данному вопросу и указания на возникающие проблемы».⁶⁶ Показательно также и нарочитое желание преподавателей цикла Древнего мира представить актуальность своей дисциплины: зачастую в отчетах подчеркивается, что при разборе текстов авторов выявляются «сохранившиеся пережитки античной старины», проводятся аналогии с современностью, а произведения подбираются исходя из их понятности студенту 1920-х гг. и современного «политического и философского мировоззрения».⁶⁷ Некоторая тенденция к модернизации не нова для ряда представителей петербургской классической филологии, но с созданием ФОН все активнее декларировалась идея связи языковедения и литературы с общественными науками, чтобы специ-

---

⁶² Там же. Л. 161.

⁶³ Там же. Л. 173.

⁶⁴ Там же. Л. 186.

⁶⁵ Там же. Л. 167.

⁶⁶ Там же. Л. 165 об.

⁶⁷ Там же. Л. 161, 165, 167.

алисты по выходе из университета могли выполнять задачи практического характера, в том числе идеологического содержания.⁶⁸

В целом о ситуации на литературно-лингвистическом отделении ямфака можно судить по отчету за 1925–1926 гг., начальные строки которого гласят: «Работа Отделения началась в крайне неблагоприятных условиях при отсутствии учебного плана, аудиторий, оборудованных помещений для некоторых кабинетов, наплыве студентов из других ВУЗ'ов с различной подготовкой, перевод[е] Брюсовского института,⁶⁹ Института Живого Слова и др.».⁷⁰ Ситуация с помещениями для учебных занятий, в том числе и для кабинета Древнего мира, стояла остро, о чем сигнализировал, в частности, Б. Л. Богаевский в президиум отделения языка и литературы.⁷¹ На заседании Ученого совета ямфака от 17 апреля 1926 г. собравшиеся постановили:

Просить Правление Университета <...> принять неотложные меры к разгрузке кабинетов Факультета от занятиях их, в виду тесноты площади, предоставленной Факультету, для преподавательских нужд не по их специальности, для чего очистить от жильцов нижний этаж Главного Здания, предоставив освободившуюся таким путем площадь под аудитории и кабинеты; <...> озаботиться предоставлением в Главном Здании для отдыха профессоров и преподавателей специального Помещения с соответствующей обстановкой. Отсутствие такого помещения в Университете представляется явлением совершенно ненормальным и нетерпимым с точки зрения интересов охраны труда и товарищеского общения; <...> вывести профессоров и студентов Университета из «трамвайного» состояния, дав возможность находиться в помещениях Университета, в аудиториях и лабораториях во время занятий раздетыми.⁷²

Очевидно, что постоянные структурные пертурбации, изменения планов и сроков обучения приводили к хаосу в учебной жизни. Протоколы заседания отделений пестрят решениями организационных вопросов: всего 127 дел такого характера за год. Высокая частота сменяемости документов по основной деятельности приводила к необходимости управления «в ручном режиме», признаки чему можно найти в отчете, где президиум называет себя «до некоторой степени толкачом» для предметных комиссий. По итогу 1925–1926 учебного года Президиум в качестве первоочередной задачи снова ставит: «новый учебный план, отвечающий насущным потребностям жизни и науки», реорганизацию деканата и изменение системы преподавания.⁷³

Другой проблемой являлась малочисленность студентов. Объединение нескольких подразделений в рамках одного факультета — ямфака — предполагало, вероятно, сокращение программ обучения, курсов, штатов и, соответственно, набора студентов. На весь ямфак в рамках новой приемной кампании на 1926–1927 учебный год было выделено только 130 мест. Б. Л. Богаевский в комиссию

---

⁶⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 171. Л. 28.

⁶⁹ Имеется в виду Высший литературно-художественный институт имени В. Я. Брюсова, работавший в Москве с 1921 по 1925 гг.

⁷⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 171. Л. 92.

⁷¹ Там же. Л. 58.

⁷² Там же. Л. 106–107.

⁷³ Там же. Л. 93.

ректорского совещания от факультета подал записку с обоснованием увеличения набора на первый курс до 350 человек. Стремясь сохранить традиционные, а вместе с тем и малочисленные, образовательные программы для университета, которые в записке, впрочем, предусмотрительно не называются, он обосновывает свои предложения в бюрократическом стиле: «норма, выдвигаемая ГПФ'ом [Главпрофобром — А. С.], стоит во внутреннем противоречии с пожеланием ГПФ, которое нельзя не приветствовать, получить от ВУЗ, в частности от Ун[иверсите]та, советского специалиста-общественника», но «только хорошо организованная система гуманитарных наук в прочном Учебном плане, выработанном при участии факультета, может дать Советской Республике специалиста-общественника».⁷⁴ Таким образом, целеполагание факультета связывалось с приоритетными задачами, поставленными перед университетами на высшем уровне — подготовкой специалистов в области востребованных для молодого государства общественных наук. Только во вторую очередь Б. Л. Богаевский отмечает уникальность предлагаемых языков, делая акцент именно на восточных языках, а также на потребности провинции — северо-западных областей и Республики Коми — в специалистах. Он утверждает, что при наборе в 130 человек факультет через 4 года выпустит 25–30 человек, при 350 — около 100, подчеркивая тем самым сложность обучения на факультете с лингвистическим уклоном, а вместе с тем и высокое качество подготовки. Судьба этой записки в документах не прослеживается, но известно, что в 1927 г. на первый курс ямфака набирали 440 студентов.⁷⁵

Персональный студенческий состав ямфака восстановить затруднительно. В нашем распоряжении по этому вопросу имеется протокол «сходки студентов цикла Древнего мира» от 1 октября 1926 г., где обсуждался вопрос организации для обучающихся научного кружка Друзей Древнего мира под председательством В. И. Шевченко. В протоколе перечислены следующие студенты цикла Древнего мира (без инициалов): Аджян, Устинов, Эмлер, Черников, Перепелкин, Татарина, Нагаева, Третьяков, Шварц, Салганик, Пиотровский, Борисов, Шевченко, Кошневский, Тихомира, Юнович, Чернягин, Сухов, Серикова, Генералова, Карасев, Силантьева, Славин, Фармаковская, Могилевцева и Гроздалов.⁷⁶ Некоторые из них останутся в науке и преподавании, как, например, в будущем известный египтолог Ю. Я. Перепелкин, археологи Л. М. Славин и А. А. Аджян. Б. Б. Пиотровский дослужится до директора Государственного Эрмитажа. Отметим известных из этого ряда антиковедов. Н. Д. Салганик в 1928 г. защитит дипломную работу «Сказочные элементы в литературной традиции о тирании» у И. И. Толстого, будет рекомендован циклом Древнего мира в аспирантуру⁷⁷ и займет место научного сотрудника Сектора античного общества (рабовладельческой формации) ГАИМК с темой о социальной революции в античном мире.⁷⁸ В. И. Шевченко, окончив университет в 1929 г., станет заниматься литературоведческой деятельностью, которая к середине 1930-х гг. перешла в научно-педагогическое русло; во второй половине 1930-х гг. он переедет в Белоруссию, будет работать в БГУ (до 1951 г.), защитит в годы Ве-

⁷⁴ Там же. Л. 61.

⁷⁵ Попов 1928, 2.

⁷⁶ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 224.

⁷⁷ Там же. Д. 203. Л. 17–18 об.

⁷⁸ Виноградов 2013, 168.

ликой Отечественной войны под руководством Н. М. Никольского диссертацию «Жизнь при Кроносе — у истоков одного из важнейших мифов Древней Греции».⁷⁹

Учебный план цикла Древнего мира с 1925–1926 учебного года для всех уклонов приобрел стандартный вид и рассчитывался на трехлетний срок (четырёхлетнее обучение было введено через год). Преподавателям запрещалось переставлять читаемые дисциплины без разрешения предметной комиссии и деканата. Большая часть первого курса посвящалась изучению общественно-политических и экономических дисциплин («Политическая экономия», «Государственное устройство и право СССР», «История ВКП(б) и ленинизм»), а также новой истории России и Запада («История Западной Европы XIX–XX вв.», «История России XIX–XX вв.»). К профессиональным дисциплинам на первом году обучения можно отнести «Введение в языковедение», «Введение в изучение культуры по специальности», «Основной язык», «Современный западноевропейский язык». На втором и третьем курсах предполагалась изучение профильных дисциплин: история, литература, язык по выбранному уклону, а кроме того, обязательных дисциплин «Исторический материализм» и «История общественных форм». На третьем курсе студентам следовало отработать два семинария: по истории литературы и на выбор — по языку, культуре, истории или этнологии.⁸⁰ Наполнение плана конкретными дисциплинами, за исключением стандартного для всех общественно-политического блока, оставалось за предметной комиссией. Датой окончания университета считалось успешное прохождение испытания по последнему курсу; подготовка дипломной работы не являлась обязательной, но при желании студента обучение можно было завершить и такой формой аттестации.⁸¹

Для примера обратимся к изданному на 1925–1926 учебный год «Обозрению преподавания». Филологов-классиков готовили в рамках литературно-лингвистического уклона цикла истории Древнего мира. Первый курс представлял собой в основном общие для всего факультета дисциплины общественно-политического и экономического содержания (перечень см. выше), составлявшие 72 % от суммарной аудиторной нагрузки студентов. Остальные дисциплины имели литературоведческую и лингвистическую направленность («Общее языковедение», «Новый западноевропейский язык», «Язык по выбору студента», «Общий курс новейшей русской литературы»)⁸² Дисциплины «специализации» начинались на втором курсе, но уже на первом предполагался выбор одного языка для дальнейшего уклона. Осознавая необходимость изучения уже в первый учебный год элементарной грамматики и древнегреческого, и латыни, предметная комиссия Древнего мира постановила «обязать слушанием одновременно курсов Н. Н. Томасова и В. В. Петуховой», то есть получения зачета по двум древним языкам, а не по одному, как предполагал общий план цикла.⁸³

«Обозрение преподавания» на 1926–1927 учебный год позволяет определить характер получаемого на этом уклоне образования. Филологическая часть, наиболее значительная по составу, была представлена следующими преподавателями:

⁷⁹ Евтухов 2015, 34–37.

⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 13, 32.

⁸¹ Там же. Л. 25.

⁸² Обзорение преподавания ... на 1926/27 учебный год, 54.

⁸³ ОР РНБ. Ф. 1393. Д. 36. Л. 1.

ст. ассистентом А. В. Болдыревым («Элементарный курс греческого языка», 4 часа, 1-й курс), доцентом Н. Н. Томасовым («Греческий язык: чтение и толкование речей Лисия», 2 часа, 2-й курс; «Греческий язык: чтение и толкование Платоновой апологии Сократа», 2 часа, 3-й курс; «Греческий и латинский языки (практикум): переводы поэм Гомера», 2 часа, 3-й курс), профессором А. И. Малеиным («Греческая и римская литература», 2 часа, 2-й курс; «История римской литературы эпохи республики», 2 часа, 3-й курс; «Семинарий по литературному тексту» (Тацит в первом полугодии; Тибулл, Проперций и Овидий во втором), 2 часа, 3-й курс), профессором И. И. Толстым («История греческой литературы», 2 часа, 3-й курс; «Семинарий по греческой литературе», 2 часа, 3-й курс; «Историческая грамматика греческого языка», 2 часа, 4-й курс); профессором С. А. Жебелевым («Семинарий по чтению, переводу и толкованию избранных сочинений Гиппократ», 2 часа, 3-й курс; «Греческая эпиграфика», 2 часа, 3-й курс), доцентом А. И. Пиотровским («Комедия Аристофана как литературный и культурно-исторический памятник (семинарий)», 4-й курс;⁸⁴ «Пропедевтический курс латинского языка», 3-й курс), доцентом С. Я. Лурье («Семинарий по греческой литературе», 2 часа, 3-й курс; «Семинарий по греческой литературе», 4 часа, 4-й курс), ст. ассистентом В. В. Петуховой («Элементарный курс латинского языка», 9 часов, 1-й курс), профессором Н. К. Гельвихом («Пропедевтический курс латинского языка: “Метаморфозы Овидия”», 2 часа, 2-й курс; «Практические занятия по латинскому языку», 2 часа, 3 курс; «Историческая грамматика латинского языка», 2 часа, 4-й курс); доцентом Б. В. Казанским («Семинарий по латинскому языку», 2 часа, 2-й курс; «Семинарий по латинскому языку», 2 часа, 4-й курс; «Семинарий по римской литературе», 2 часа, 4-й курс); доцентом И. М. Троцким («Сатиры Ювенала», 2 часа, 3-й курс; «Noctes Atticae Авла Геллия», 2 часа, 3-й курс). На уклоне предполагалось преподавание и новогреческого языка доцентом И. И. Соколовым («Элементарный курс новогреческого языка», 2 часа, 3-й курс; «Пропедевтический курс новогреческого языка» и «Семинарий по новогреческому языку», по 2 часа, 3-й и 4-й курсы). Включение этого языка в учебный план уклона не явилось новацией, а было введено на историко-филологическом факультете университета еще в 1899 г. благодаря прошению, подписанному В. Г. Васильевским, А. Н. Веселовским, В. К. Ернштедтом, Ф. Ф. Зелинским, И. В. Помяловским.⁸⁵

За профессором Б. Л. Богаевским был закреплен этнологический блок («Этнология Древнего мира и яфетическая теория», 2 часа, 3-й курс; «Семинарий по сравнительному изучению культур Древнего мира», 2 часа, 3-й и 4-й курс; «Эгейская культура», 2 часа, 3-й курс).

Курсы по древней истории вели: доцент С. И. Ковалев («История Древнего мира», 4 часа, 2-й курс; «Просеминарий для 2-го курса цикла Древнего мира: проблемы античного коммунизма», 2 часа), доцент Р. В. Шмидт («История Древнего Востока», 2 часа, 2-й курс); профессор Б. Л. Богаевский («Семинарий по сравнительному изучению культур Древнего мира: проблема Востока и Запада в Древнем мире», 3-й и 4-й курсы), профессор С. А. Жебелев («Введение в изучение античного мира», 2 часа, 2-й курс).

⁸⁴ Не везде указаны данные по количеству аудиторных часов, выделенных на курс.

⁸⁵ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 150. Д. 1576. Л 1–3.

Блок истории материальной культуры Греции и Рима был представлен: профессором Б. В. Фармаковским («Искусство и быт Древней Греции с последней трети V века до эпохи кризиса античного города-государства и начала эллинского царства», 4 часа, 2-й курс; «Эллинистические города и их материальная культура», 2-й курс), профессором О. Ф. Вальдгауэром («Римское искусство», 4 часа, 2-й курс; «Античная живопись», 2 часа, 4-й курс), доцентом Т. Н. Книпович («Прикладное искусство в греческих колониях северного побережья Черного моря»), доцентом К. Э. Гриневичем («Памятники Херсонеса (семинарий)», 2 часа, 4-й курс), доцентом Н. В. Малицким («Эллинистическое искусство первых веков нашей эры», 2 часа, 4-й курс).

Раздел античной философии и науки был полностью за доцентом И. М. Боричевским («История античной философии и науки», 2 часа, 3-й курс; «Семинарий по античному материализму», 2 часа, 4-й курс).⁸⁶ Заметим, что семинарий по античному материализму введен по предложению самого Боричевского, отметившего «своевременность и необходимость этого важного предмета, который в дореволюционных учебных планах оставляли без всякого внимания»,⁸⁷ притом он предлагал читать лекционный курс, проводить семинарий и спецсеминарий с изучением трудов Демокрита и Эпикура, но в итоге в учебный план ввели только семинарий, несмотря на «своевременный» характер предложения.

Помимо этого, на 2-м и 3-м курсах имелись общественно-политические дисциплины: «Исторический материализм», «Военные науки», «Советское хозяйство и экономическая политика СССР», «Основы ленинизм», которые, впрочем, не превышали 11–13 % от общей аудиторной нагрузки.⁸⁸

Приведенные данные позволяют сделать вывод о стремлении сохранить даже в условиях 1920-х гг. комплексный характер подготовки специалиста-антиковеда, что подразумевало филологическую, историческую, археологическую и искусствоведческую составляющие. Такой подход к образованию позволял выпускникам реализоваться в большем количестве сфер деятельности. Вместе с тем нельзя не заметить в плане новых веяний, выразившихся во включении курсов по этнологии и античному материализму, которые, впрочем, не играли первостепенную роль. В списках же пособий к филологическим дисциплинам уклона нельзя обнаружить сочинений классиков марксизма-ленинизма, но имеются указания на труды Ф. Ф. Зелинского, В. В. Латышева, М. И. Ростовцева и других представителей отечественной и западной науки о греко-римском мире.

Вышеприведенную программу обучения, подразумевающую разнообразные курсы, удалось составить, вероятно, потому, что вплоть до весны 1927 г. ямфак не имел утвержденных в Наркомпросе учебных планов⁸⁹. Но в 1927–1928 учебном году в ЛГУ снова начались структурные изменения, вызванные развернувшейся «культурной революцией», в ходе которой цикл Древнего мира как самостоятельное подразделение был упразднен, а классическая филология стала частью романо-германского цикла, в свою очередь входившего в отделение языка и литературы ямфака. Перед структурными подразделениями в начале 1928 г. была поставлена

⁸⁶ Обзорение преподавания ... на 1926/27 учебный год, 15–21.

⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 176. Л. 54.

⁸⁸ Там же. Л. 45.

⁸⁹ История Ленинградского университета 1969, 274.

задача разработки программ «практических уклонов». Предвестником этих изменений явилась статья нового ректора М. В. Серебрякова, опубликованная в 10-летний юбилей Октябрьской революции в печатном органе студентов и работников ЛГУ «Студенческая правда», под названием «Задачи университета». В ней автор с революционным запалом говорит о необходимости отказа от «устаревшей» идеи подготовки в вузах «просто “образованных людей”», обладающих общетеоретическими знаниями, и перестройке преподавания в связи с практическими нуждами социалистического строительства.⁹⁰

Романо-германский цикл посчитал «возможным и желательным» установить 6 уклонов: научно-учебный, библиотечно-рукописный (включая архивное дело), краеведческо-музееведческий (включая изучение нацменьшинств), педагогический (включая подготовку педагогов по языку и литературе по линии политпросветительской работы), книжно-издательский, переводческий.⁹¹ Вместе с этим Наркомпрос разослал в университеты требования к учебным планам, которые предполагали значительное снижение традиционных фундаментальных дисциплин и их замены новыми «практикоориентированными». В «Студенческой правде» появилась симптоматичная статья «Перетряхнуть учебный план. Почетное место практическим дисциплинам», где неизвестный автор, скрывающийся под инициалами В. Т., в связи с появлением новых уклонов предлагал исключить преподавание древнеболгарского языка, историю славянских литератур, историю русского языка и русскую диалектологию на восточноевропейской (славянской) секции.⁹² Студент В. Мавродин в другой статье обращал внимание на «незаконное сожительство» на историческом цикле рядом с семинарием по источникам Революции 1905 г. обязательного греческого языка.⁹³ Профессорско-преподавательский состав стремился бороться с таким упрощенным восприятием университетского образования радикально настроенной молодежью. Декан ямфака Я. К. Пальвадре⁹⁴, демонстрируя внимание к студенческому мнению при принятии решений, призывал к гибкости, то есть исключать, например, древние языки из тех программ, где того не требует специализация: «Греческий язык — бесспорно обязательный для научной смены по древнерусской истории и истории Древнего мира, для работников классической филологии и для части археологов — по отношению к другим категориям можно исключить из зачетных требований. То же можно сказать о латинском языке. Для историков Западной Европы XIX и XX веков этот язык уже не так важен».⁹⁵ Однако чуть позже на партийном собрании он заверял, что учебный план, например, романо-германского отделения кардинально пересмотрен: «Уже не встретите всех древностей, они вы-

⁹⁰ Серебряков 1927, 1.

⁹¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 207. Л. 32.

⁹² В. Т. 1928, 2.

⁹³ Мавродин 1928, 2.

⁹⁴ Пальвадре Яков Карлович (1889–1936) — эстонский революционер, с 1906 г. член РСДРП; с 1918 г. в РККА; участник Гражданской войны, в которой командовал войсками Златоустовско-Челябинского и Западно-Уральского направлений, а также Эстонской стрелковой дивизией. В 1924 г. окончил общественно-педагогическое отделение ФОН ЛГУ, тогда же стал доцентом по профилю «История Западной Европы и Востока», а в 1927-м — профессором. В 1928–1929 гг. декан ямфака. Расстрелян по обвинению в участии в троцкистско-зиновьевской террористической организации (Брачев 2014, 37–39).

⁹⁵ Пальвадре 1928, 5.

кинуты из плана».⁹⁶ В поданном романо-германским циклом в президиум ямфака ЛГУ заявлении выражалась обеспокоенность «элементаризацией преподавания, неприемлемой для высшей школы»⁹⁷. Несмотря на заверения ректора М. В. Серебрякова в печати, что реформа не приведет к умалению науки, ограничению научных исследований или урезанию теории⁹⁸, сокращение штатов все же происходило. Последнее, безусловно, явилось следствием изменений в учебных планах.

Упразднение цикла Древнего мира и перевод филологов-классиков на романо-германский цикл привели к размежеванию на институциональном уровне истории и филологии как антиковедческих дисциплин. Последствия этого можно проследить, например, на судьбе Л. Л. Ракова. Он поступил еще в 1922 г. на отделение языковедения и литературы факультета общественных наук Петроградского университета, но в 1925 г. был исключен за неявку на проверку факультетской комиссией. В 1927 г. ему удалось восстановиться на историческом отделении ямфака и к 1929 г. сдать все необходимые дисциплины по учебному плану уклона истории Западной Европы отделения истории и археологии историко-лингвистического факультета, а в 1930 г. защитить дипломную работу под руководством С. И. Ковалева.⁹⁹ За годы обучения Л. Л. Раковым так и не были освоены на приемлемом для антиковеда уровне латинский и греческий языки, о чем свидетельствуют его воспоминания. Будучи уже доцентом кафедры древней истории ЛГУ в 1930-е гг., он брал частным образом уроки у В. В. Петуховой, которые описывал так:

<...> дела шли плохо: не обладая филологической подготовкой классической гимназии, не испытывая настоящего интереса к античной истории, я постоянно огорчал бедную Веру Викторовну полным отсутствием успеха — обстоятельство, в котором моя учительница много раз пыталась винить себя, но тут же неоспоримо убеждалась в необоснованности подобной гипотезы. Всегда усталый от службы, от лекций и заседаний, мигом еще более утомлявшийся от соприкосновений с трудностями склонений и спряжений, со всевозможными исключениями в правилах и примерах, я частенько просил позволения полчаса поспать. И сквозь дрему я обычно слушал, как Вера Викторовна, беседуя с мужем, сокрушалась по поводу моей лени.¹⁰⁰

Для желающих изучать древние языки в рамках романо-германского цикла с 1927–1928 учебного года предусматривался следующий перечень специальных предметов, которые проводила кафедра, как ее называли, «античной филологии»: 1-й курс: Латинский язык (4 часа), Греческий язык (4 часа); 2-й курс: Латинский автор (2 часа), Греческий автор (2 часа), Общий курс греческой и римской литературы (2 часа); 3-й курс: Этнология и литературные памятники Древнего мира (2 часа), История римской художественной литературы (2 часа), История греческой художественной литературы (2 часа), Греческая диалектология (2 часа), Латинская литература и разговорный язык (2 часа), Греческий литературный, деловой и раз-

⁹⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 984. Оп. 1. Д. 358. Л. 27.

⁹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 207. Л. 41.

⁹⁸ Серебряков 1927, 1.

⁹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 1831. Л. 3, 6–9.

¹⁰⁰ ОР РНБ. Ф. 1445. Д. 6. Л. 5–6.

говорный язык (2 часа); 4-й курс: История греческого языка (2 часа); Новогреческий язык (2 часа).¹⁰¹

В спланированной нагрузке не нашлось место специальным курсам и семинарам, прививающим исследовательские навыки. Обозначившаяся еще со времен существования ФОНов тенденция увеличения «общественных» дисциплин в учебных планах гуманитариев вне зависимости от выбранного направления подготовки, как видно, в полной мере проявилась к концу 1920-х гг. Упал и общий уровень поступающих в вузы: среди абитуриентов практически уже не осталось тех, кто оканчивал гимназии. Недостатки школьной ступени образования приходилось решать и университетам. Спланированная аудиторная нагрузка на 1927–1928 учебный год позволяла приблизиться лишь к азам науки и едва ли могла способствовать получению полного классического образования.

В октябре 1927 г. ГУС утвердил следующие кафедры, относящиеся к Древнему миру: доисторический археологии (зав. кафедрой Б. Л. Богаевский, доцент Б. В. Казанский, мл. асс. Р. В. Шмидт), истории Древнего мира (зав. кафедрой С. И. Ковалев, сверхштатный доцент О. О. Крюгер), античной филологии (зав. кафедрой А. И. Малейн, профессор И. И. Толстой, доцент С. Я. Лурье, сверхштатный доцент И. М. Тронский, ст. асс. А. В. Болдырев), истории материальной культуры Древнего мира (зав. кафедрой О. Ф. Вальдгауэр, профессор Б. В. Фармаковский, доцент Е. А. Лютер).¹⁰² Имеются сведения, что преподаватели, стремясь восполнить недостаток часов в учебных планах, занимались со студентами сверх нагрузки без соответствующей оплаты. Так, В. В. Петухова в автобиографии 1928 г. пишет, что последние три года часто по просьбе слушателей читала бесплатно курсы по интересовавшим их авторам — Овидию, Горацию, Катутулу, Цицерону, Плинию Младшему, Апулею, Тациту; много занималась с неуспевающими студентами.¹⁰³ Ряд спецкурсов читался сверхштатными преподавателями без получения жалования: «Греческая эпиграфика» (С. А. Жебелев), «Греческая метрика» (С. В. Меликова-Толстая), «Греческая палеография» (М. А. Шангин), «Латинская палеография» (О. А. Добиаш-Рождественская).¹⁰⁴ На заседаниях факультета Б. Л. Богаевский практически постоянно выступал с жалобами на недостаток часов по антиковедческим дисциплинам, предлагая, например, преподавание древних языков увеличить в 4 раза (вместо 2 часов 8); сетовал на факт изоляции ямфака от центральных и местных учреждений, отсутствие ясности в понимании назначения выпускников и мест их трудоустройства.¹⁰⁵ Ситуация на греко-римском уклоне действительно была угрожающей: на 1927–1928 учебный год первого курса не было, на втором числился 1 человек, на третьем — 2, на четвертом 6. Однако преподавание древних языков требовалось и на других циклах университета. Б. Л. Богаевский настаивал на позиционировании кафедры античной филологии как вспомогательной, обслуживающей другие отделения, что, по его мнению, могло способствовать ее сохранению в составе университета.¹⁰⁶

¹⁰¹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 207. Л. 82.

¹⁰² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 203. Л. 1–1 об.

¹⁰³ Объединенный архив Санкт-Петербургского государственного университета (ОА СПбГУ). Ф. 1. Св. 69. Д. 2348. Л. 15 об.

¹⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 203. Л. 1 об. — 2.

¹⁰⁵ Там же. Л. 7, 20.

¹⁰⁶ Там же. Л. 14 об.

Но уже в 1929 г. ямфак был переименован в историко-лингвистический факультет, в составе которого числилось 45 кафедр, в том числе и античной филологии.¹⁰⁷ Понятие «кафедра» стало снова устойчивым и официальным наименованием подразделения университета, и по этому случаю было сформулировано его определение: «научно-учебная организационная единица, возглавляемая и руководимая научным работником соответствующей специальности; кафедра объединяет дисциплины, связанные родственным содержанием и целевой установкой преподавания».¹⁰⁸ Подразумевалось, что такое подразделение представляет собой именно коллектив ученых, включавший группу профессоров, доцентов, ассистентов.

Созданный факультет просуществовал недолго, всего лишь год. Последними выпускниками «античного цикла», поступившими в университет в 1929 г., стали Елизавета Григорьевна Кастанаева (Кастанаян)¹⁰⁹ и Елена Львовна Бобровская. Согласно приказу от 2 апреля 1932 г., они значатся как окончившие именно «античный цикл»,¹¹⁰ но в их личных делах более точно засвидетельствована специальность, которую они приобрели по окончании вуза: Кастанаева — «история античной материальной культуры» с квалификацией «преподаватель вуза и втуза в области истории»,¹¹¹ Бобровская — «доисторический цикл» с квалификацией «музейный работник и краевед».¹¹² Классическая филология как самостоятельная образовательная программа на рубеже 1920–1930-х гг. уже не существовала. В зачетных книжках Кастанаевой и Бобровской содержатся дисциплины общеисторического содержания, общественно-политического профиля, археологического и музееведческого характера и только одна дисциплина классического цикла — древнегреческий язык (преподаватель — О. О. Крюгер). Перечень дисциплин выглядит настолько пестрым, что трудным представляется идентификация конечной специальности, если ее не знать. Приведем для примера наименование дисциплин из зачетной книжки Е. Л. Бобровской: «Эволюция человека в связи с палеоантропологией», «Немецкий язык», «Развитие общественных форм», «Доисторическая археология», «История России XIX–XX вв.», «История Западной Европы XIX–XX вв.», «Политэкономия», «Западноевропейская литература XIX в.», «Введение в поэтику», «Введение в языковедение», «Семинар по русской литературе XIX в.», «Материальная культура первобытного общества (камень)», «Социология искусства», «Русская история эпохи феодализма», «Язык и материальная культура», «Исторический материализм», «Теория советского хозяйства», «Методика археологического исследования», «История Западной Европы в эпоху феодализма», «Материальная культура первобытного общества (металл)», «История античного мира», «Греческий язык», «Ленинизм», «Диалектический материализм», «Методика политпросветработы музея», «Охрана и реставрация памятников», «Стрелковое дело», «Военная топография», «Военная администрация», «Тактика», «Физическая культура».¹¹³ Весьма пока-

¹⁰⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 240. Л. 3–4.

¹⁰⁸ Там же. Л. 10.

¹⁰⁹ Е. Г. Кастанаян стала потом археологом, специалистом по истории античного Боспора. О ней см.: Виноградов 2008, 51–64.

¹¹⁰ ЦГАЛИ. Ф. 328. Оп. 1. Д. 16. Л. 62.

¹¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 717. Л. 1.

¹¹² Там же. Л. 1.

¹¹³ Там же. Л. 1–1 об.

зательно, что Бобровская, по всей видимости не удовлетворенная своим образованием, стала получать второе высшее образование на историческом факультете ЛГУ с 1938 г.¹¹⁴

И Кастанаева, и Бобровская, поступив в ЛГУ, оканчивали в 1932 г. Ленинградский историко-лингвистический институт (ЛИЛИ), который выделился, вобрав в себя гуманитарные подразделения ЛГУ, в 1930 г., когда, согласно приказу Наркомпроса, университет был раздроблен на ряд отраслевых институтов. СНК РСФСР 13 июля 1931 г. на основании решения Пленума ЦК ВКП(б) 1929 г. принял решение о реорганизации университетов по отраслевому принципу. Отныне на университеты возлагалась миссия по подготовке кадров по естественно-научным и математическим специальностям.

Итак, 1920-е гг. отмечены постоянной сменой факультетских вывесок в университете, что отражает общую ситуацию первого бурного постреволюционного десятилетия. Несмотря на высокую динамику процессов в научно-образовательной сфере в это время, представляется возможным выделить, по крайней мере, три тенденции в изменении содержания учебных программ: внедрение и постепенное увеличение доли так называемых «общественных дисциплин», набор которых был одинаков для всего факультета, уменьшение количества специальных дисциплин и вообще — сворачивание узких специализаций под лозунгами борьбы с «многопредметностью», а также возобладавшую с 1928 г. (начало «культурной революции») ориентацию на выпуск специалистов с практическими навыками. До 1927 г. за многочисленными отделениями, циклами, уклонами удавалось сохранять в общих чертах дореволюционный подход к обучению филолога-классика, который зиждется на комплексном характере самой антиковедческой дисциплины. Прослеживается стремление дореволюционных профессоров адаптировать свои представления о системе подготовки кадров к изменившимся условиям. Уменьшение аудиторных занятий по специальности профессора старались компенсировать увеличением внеурочных кружковых встреч. Такая практика была и до 1917 г. Однако приходится констатировать, что с 1928 г. усилия корпорации по сохранению классического образования практически полностью нивелируются новыми формально-бюрократическими требованиями к университетам и учебным программам. Количество выпускников по классической филологии стало стремиться к нулю. При этом ни в официальной печати, ни в протоколах партийных собраний невозможно найти прямых призывов к прекращению подготовки специалистов по классическим языкам, лишь к уменьшению (или исключению из программ) преподавания «различных древностей» на других гуманитарных направлениях. Вероятно, внешняя лояльность оставшихся в университете профессоров оказывалась достаточной для властей, а изучение древних текстов не вызывало подозрений у начальства. К тому же, и воспроизводство кадров в этой области знания происходило крайне низкими темпами. В результате только коренные преобразования в высшем образовании на рубеже 1920–1930-х гг. привели к окончательному сворачиванию классического образования. Классическая филология в ЛГУ потеряла характер самостоятельной научной дисциплины и стала востребована только в связи с изучением материальной культуры и истории Древнего мира.

---

¹¹⁴ Там же. Л. 2.

Благодарности

Выражаю благодарность Л. Я. Жмудю за обсуждение основных положений данной статьи.

Литература

- Боровский Я. М., Вулих Н. В., Чекалова Е. И., Чистякова Н. А. Классическая филология в Ленинградском университете. *Вестник древней истории* 1968, 2, 145–149.
- Брагинская Н. В., Костенко Н. Ю. Ольга Михайловна Фрейденберг. Письма 1911–1940 гг. *Философические письма. Русско-европейский диалог* 2019, 2 (2), 172–204.
- Брагинская Н. В. Филологический роман. Предварение к Запискам О. М. Фрейденберг. *Человек* 1991, 3, 134–156.
- Брачев В. С. «Профессор-большевик» Яков Карлович Пальвадре (1889–1936). *Общество. Среда. Развитие* 2014, 3, 37–42.
- В. Т. Перетряхнуть учебный план. Почетное место практическим дисциплинам. *Студенческая правда* 1928, 7 ноября, 2.
- Виноградов Ю. А. Вспоминая Елизавету Григорьевну Кастанаян. *Записки ИИМК РАН* 2008, 3, 51–64.
- Виноградов Ю. А. Отдел истории античной культуры. В кн. Е. Н. Носов (отв. ред.) *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014)*. Санкт-Петербург, Дмитрий Буланин, 2013, 160–190.
- Гаврилов А. К. Античное наследие в России. В кн.: Гаврилов А. К. *О филологах и филологии: статьи и выступления разных лет*. Отв. ред. О. В. Бударагина, А. Л. Верлинский, Д. В. Кейер. Санкт-Петербург, Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2011, 12–32.
- Державин Н. С. Чего мы ждем? *Студенческая правда* 1927, 7 ноября, 2.
- Дуров В. С. Кафедра классической филологии: прошлое и настоящее (1932–2002). *Philologia Classica* 2004, 6, 3–19.
- Евтухов И. О. *Кафедра истории Древнего мира и Средних веков БГУ. К 80-летию создания*. Минск, БГУ, 2015.
- Крих С. Другая история: «Периферийная» советская наука о древности. Москва, Новое литературное обозрение, 2020.
- Лурье С. Я. *История одной жизни*. Санкт-Петербург, Изд-во Европ. ун-та, 2004.
- Мавродин В. Кого готовит ямфак. *Студенческая правда* 1928, 7 ноября, 2.
- Обозрение преподавания на факультете языковедения и материальной культуры (ямфак) Ленинградского государственного университета на 1926/27 учебный год. [Ленинград, 1926].
- Пальвадре Я. К итогам ямфаковского смотра. Ямфак под обстрелом. *Студенческая правда* 1928, 24 ноября, 5.
- Попов А. Большой вопрос. *Студенческая правда* 1928, 19 апреля, 2.
- Рендель. Три причины, которые препятствуют отмене лекций. *Студенческая правда* 1927, 13 декабря, 2.
- Серебряков М. В. Задачи университета. *Студенческая правда* 1927, 7 ноября, 1.
- Серебряков М. В. Отмена лекций — утопия. *Студенческая правда* 1927, 17 декабря, 2.
- Скворцов А. М. Классическая филология в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока: институциональный аспект. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 2023, 27 (1), 1049–1066.
- Толстой Иван Иванович. *Биографика СПбГУ*: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1071-tolstoy-ivan-ivanovich.html> (дата обращения: 08.07.2024).
- Томина Е. Ф. Реализация педагогических идей Дж. Дьюи в теории и практике отечественного образования. *Вестник ЧГПУ. Серия «Филология»* 2009, 3, 251–261.
- Ушмаева К. А. *Высшее историческое образование в России (20–90-е годы XX века)*. Ставрополь, Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008.
- Фрейденберг О. М. Кафедра классической филологии (материалы к 120-летию университета). В кн.: И. С. Лутовинова (сост.). *Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного*

университета. *Материалы к истории факультета*. Санкт-Петербург, Филологический факультет СПбГУ, 2008, 119–122.

Фролов Э. Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. Санкт-Петербург, Гуманитарная Академия, 2006.

Энтэ В. Против лекций. *Студенческая правда* 1927, 13 декабря, 2.

Training in Classical Philology at Petrograd/Leningrad University in the 1920s: Institutional Aspect

Artyom M. Skvortsov

St. Petersburg Branch of the S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences,
5b, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
<https://orcid.org/0000-0002-3287-4154>, artyom-skvorcov@yandex.ru

For citation: Skvortsov A. M. Training in Classical Philology at Petrograd/Leningrad University in the 1920s: Institutional Aspect. *Philologia Classica* 2024, 19 (2), 321–346.
<https://doi.org/10.21638/spbu20.2024.210> (In Russian)

This article examines the reproduction of classical philology staff at Petrograd Leningrad University in the late 1910s–1920s, a topic that has received limited scientific attention. The materials are primarily comprised of archival office documents and “Teaching Reviews” published during the specified chronological period. The study of the evolution of a discrete area of training enabled us to eschew the proclivity in post-Soviet historiography to portray the pre-revolutionary generation of scholars as mere victims of Soviet policy and ideology. Instead, we were able to elucidate the strategies of adaptation deployed by professors of the “old” school in response to the advent of a new reality, one in which the science of classical antiquity was no longer supported by the state. The intention to modify the conceptualisation of the training system in classical disciplines and pedagogical experience in accordance with evolving circumstances is evident. Even the established system of studying ancient authors in class was presented as an “innovative” brigade-laboratory method of teaching, introduced by the Narkompros. Until 1927, the various departments, cycles and specialisations managed to maintain, in general terms, the previous approach to the training of a classical philologist, which was based on the complex nature of the discipline of antiquarian studies. The article uncovers several key trends in higher education during the 1920s that shaped the landscape of classical philology. These include the introduction and gradual increase in the share of the so-called “social disciplines”, which were unified across the entire faculty, the reduction in the number of specialised disciplines, and the curtailment of narrow specialisations under the banner of the struggle against “multi-subjectivity”. Additionally, there was a shift towards the graduation of professionals with practical skills, which gained prominence from 1928 onwards (the advent of the “cultural revolution”).

Keywords: history of classical philology, Petrograd/Leningrad University, history of universities, history of education, Faculty of Social Sciences.

References

- Borovskii Ia. M., Vulikh N. V., Chekalova E. I., Chistiakova N. A. Classical Philology at Leningrad University. *Vestnik drevnei istorii* 1968, 2, 145–149 (in Russian).
- Brachev V. S. “Bolshevik Professor” Yakov Karlovich Palvadre (1889–1936). *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* 2014, 3, 37–42 (in Russian).
- Braginskaia N. V. A philological novel. Preface to the “Notes” of Olga M. Freidenberg. *Chelovek* 1991, 3, 134–156 (in Russian).

- Braginskaia N. V., Kostenko N. Iu. Olga Michailovna Freidenberg. Letters from years 1911–1940. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog* 2019, 2 (2), 172–204 (in Russian).
- Derzhavin N. S. What are we waiting for? *Studencheskaia pravda* 1927, November 7, 2 (in Russian).
- Durov V. S. Department of Classical Philology: Past and Present (1932–2002). *Philologia Classica* 2004, 6, 3–19 (in Russian).
- Ente V. Against the lecture. *Studencheskaia pravda* 1927, December 13, 2 (in Russian).
- Evtukhov I. O. *Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages of BSU. To the 80th anniversary of its creation*. Minsk, BGU Press, 2015 (in Russian).
- Freidenberg O. Department of Classical Philology (Materials to the 120th anniversary of the university). In: I. S. Lutovinova (ed.). *Filologicheskii fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy k istorii fakul'teta*. St Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2008, 119–122 (in Russian).
- Frolov E. D. *Russian science of antiquity. Historiographical essays*. St Petersburg, Gumanitarnaia Akademia Publ., 2006 (in Russian).
- Gavrilov A. K. Ancient heritage in Russia. In: Gavrilov A. K. *O filologakh i filologii: Stat'i i vystupleniia raznykh let*. Eds O. V. Budaragina, A. L. Verlinskij, D. V. Kejer. St Petersburg, Saint Petersburg University Press, 2011, 12–32 (in Russian).
- Krikh S. *Another history: The "Peripheral" Soviet science of antiquity*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020 (in Russian).
- Lur'e Ia. S. *The story of one life*. St Petersburg, European University Press, 2004 (in Russian).
- Mavrodin V. Who is being prepared by yamfak. *Studencheskaia pravda* 1928, November 7, 2 (in Russian).
- Pal'vadre Ia. To the results of the Yamfakovskiy review. Yamfak is under fire. *Studencheskaia pravda* 1928, November 24, 5 (in Russian).
- Popov A. A sore point. *Studencheskaia pravda* 1928, April 19, 2 (in Russian).
- Rendel'. Three reasons that prevent the cancellation of lectures. *Studencheskaia pravda* 1927, December 13, 2 (in Russian).
- Review of teaching [sciences] at the Faculty of Linguistics and Material Culture (yamfak) Leningrad State University for the academic year 1926/27. [Leningrad, 1926] (in Russian).
- Serebriakov M. V. Cancellation of lectures — utopia. *Studencheskaia pravda* 1927, December 17, 2 (in Russian).
- Serebriakov M. V. Tasks of the University. *Studencheskaia pravda* 1927, November 7, 1 (in Russian).
- Skvortsov A. M. Classical philology at the final stage of the Great Patriotic War: actualization of the discipline. *Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 2022, 1299–1308 (in Russian).
- Skvortsov A. M. Classical Philology at the Institute of Comparative History of Literature and Languages of the West and East: an Institutional aspect. *Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaya filologiya* 2023, 27 (1), 1049–1066 (in Russian).
- Tolstoy Ivan Ivanovich. *Biografika SPbGU*: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/1071-tolstoy-ivan-ivanovich.html> (accessed: 08.07.2024) (in Russian).
- Tomina E. F. The implementation of the pedagogical ideas of J. Dewey in the theory and practice of national education. *Vestnik ChGPU. Seriya "Filologiya"* 2009, 3, 251–261 (in Russian).
- Ushmaeva K. A. *Higher historical education in Russia (20s–90s of the twentieth century)*. Stavropol', Stavropol State University Press, 2008 (in Russian).
- V. T. Shake up the curriculum. A place of honor for practical disciplines. *Studencheskaia pravda* 1928, November 7, 2 (in Russian).
- Vinogradov Iu. A. Department of the History of Ancient Culture. In: *Akademicheskaya arkhologiya na beregakh Nevy (ot RAIMK do IIMK RAN, 1919–2014)*. St Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2013, 160–190 (in Russian).
- Vinogradov Iu. A. Remembering Elizaveta Grigorievna Kastanyan. *Zapiski IIMK RAN* 2008, 3, 51–64 (in Russian).

Received: 03.07.2024

Accepted: 11.10.2024